

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ/МОСКВА

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ МОСКВА

Книга набрана и отпечатана
в Нотопечатне Госиздата в
колич. 5000 экз., из них 100 ну-
мерованных. Главлит № 37044.

С любовью и дружбою
Петру Ивановичу Чагину

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

LIBRARY OF THE

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ

1

Улеглась моя былая рана,
Пьяный бред не гложет сердце мне.
Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.

Сам чайханщик с круглыми плечами,
Чтобы славилась пред русским чайхана,
Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.

Угощай, хозяин, да не очень.
Много роз растет в твоем саду.
Не задаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак.
Поцелуям учимся без денег,
Без кинжальных хитростей и драк.

Ну, а этой за движенья стана,
Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе во-веки не солгу.
За себя я нынче отвечаю.
За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай не очень.
Все равно калитка есть в саду...
Не задаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю:
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По персидски нежное „люблю“?

Я спросил сегодня у менялы:
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной Лалы,
Слово ласковое „поцелуй“?

И еще спросил я у менялы,
В сердце радость глубже притая:
Как сказать мне для прекрасной Лалы,
Как сказать ей, что она „моя“?

И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят.
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза как яхонты горят.

Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуй веют,
Лепестками тая на губах.

От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
„Ты моя“ сказать лишь могут руки,
Что срывали черную чадру.

Шаганэ тбы моя, Шаганэ!
 Потому что я с севера что ли,
 Я готов рассказать тебе, поле,
 Про волнистую рожь при луне.
 Шаганэ тбы моя, Шаганэ.

Потому что я с севера что ли,
 Что луна там огромней в сто раз,
 Как бы ни был красив Шираз,
 Он не лучше рязанских раздолий,
 Потому что я с севера что ли.

Я готов рассказать тебе, поле—
 Эти волосы взял я у ржи,
 Если хочешь на палец вяжи,
 Я нисколько не чувствую боли,
 Я готов рассказать тебе, поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там на севере девушка поже,
На пиебя она страшно похожа,
Может думает обо мне...
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Ты сказала, что Саади
Целовал лишь полъко в грудь,
Подожди ты бога-ради—
Обучусь когда-нибудь!

Ты пропела: „За Евфрапом
Розы лучше смертных дев“,—
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.

Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне,
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.

И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет,—
Коль родился я поэтом,
То целуюсь как поэт.

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нем,
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном.
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым станом,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени—Россия—
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит пальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персианка,
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки—
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя.
И хоть прошлой жизни не кляну,
Расскажи мне что-нибудь такое
Про твою веселую страну.

Заглуши в душе тоску тальянки,
Напой дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.

И хотя я не был на Босфоре—
Я тебе придумаю о нем.
Все равно—глаза твои, как море,
Голубым колыхнутся огнем.

Голу

Свет шафранный вечернего края.
 Тихо розы бегут по полям.
 Спой мне песню, моя дорогая,
 Ту, которую пел Хайям.
 Тихо розы бегут по полям.

Лунным светом Шираз осиянен,
 Кружит звезда мотыльковый рой.
 Мне не нравится, что персиане
 Держат женщин и дев под чадрой.
 Лунным светом Шираз осиянен.

Иль они от тепла застыли,
 Закрывая телесную медь.
 Или, чтобы их больше любили,
 Не желают лицом загореть,
 Закрывая телесную медь.

Дорогая, с чадрой не дружись,
Заучи эту заповедь вкратце.
Ведь и так коротка наша жизнь,
Мало счастьем дано любоваться.
Заучи эту заповедь вкратце.

Даже все некрасивое в роке
Осеньет твоя благодать.
Потому и прекрасные щеки
Перед миром грешно закрывать,
Коль дала их природа-мать.

Тихо розы бегут по полям.
Сердцу снится страна другая.
Я спою тебе сам, дорогая,
То, что сроду не пел Хайям...
Тихо розы бегут по полям.

7

Воздух прозрачный и синий,
Выйду в цветочные чащи.
Путник, в лазурь уходящий,
Ты не дойдешь до пустыни.
Воздух прозрачный и синий.

Лугом пройдешь, как садом,
Садом в цветении диком.
Ты не удержишься взглядом,
Чтоб не припасть к гвоздикам.
Лугом пройдешь, как садом.

Шопот ли, шорох, иль шелест—
Нежность как песни Саади.
Вмиг отразится во взгляде
Месяца желтая прелесть,
Нежность как песни Саади.

Голос раздастся Пери,
Тихий как флейта Гассана.
В крепких объятиях стана
Нет ни тревог ни потери,
Только лишь флейта Гассана.

Вот он удел желанный
Всех, кто в пути устали.
Ветер благоуханный,
Пью я сухими устами
Ветер благоуханный.

Золото—текущее луны,
Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.

Далеко—далече там, Багдад,
Где жила и пела Шахразада.
Но теперь ей ничего не надо.
Отзвенел давно звеневший сад.

Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травой.
Ты же, путник, мертвым не внемли,
Не склоняйся к плитам головою.

Оглянись, как хорошо кругом:
Губы к розам так и тянет, тянет.
Помирись лишь в сердце со врагом
И тебя блаженством ошафранил.

Жить—так жить, любить—так уж
влюбляться

В лунном золоте целуйся и гуляй.
Если ж хочешь мертвым поклоняться,
То живых тем сном не отправляй.

Это пела даже Шахразада,—
Так вторично скажет листьев медь,
Тех, которым ничего не надо
Только можно в мире пожалеть.

Голубая родина Фирдуси,
 Ты не можешь, памятью простыв,
 Позабыть о ласковом уресе
 И глазах задумчиво простых.
 Голубая родина Фирдуси.

Хороша ты, Персия, я знаю.
 Розы, как светильники, горят
 И опять мне о далеком крае
 Свежестью упругой говорят.
 Хороша ты, Персия, я знаю.

Я сегодня пью в последний раз
 Ароматы, что хмельны как брага,
 И твой голос, дорогая Шага,
 В этот трудный расставанья час
 Слушаю в последний раз.

Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Дальнему и близкому мне люду
Буду говорить я о тебе,
И тебя навеки не забуду.

Я твоих несчастий не боюсь.
Но на всякий случай твой угрюмый
Оставляю песенку про Русь.
Запевая—обо мне подумай
И тебе я в песне отзовусь.

В Хороссане естѣ такіе двери,
 Где обсыпан розами порог.
 Там живет задумчивая пери.
 В Хороссане естѣ такіе двери,
 Но отккрытъ те двери я не мог.

У меня в руках не мало силы,
 В волосах естѣ золото и медь.
 Голос пери нежный и красивый.
 У меня в руках не мало силы,
 Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага
 И зачем, кому мне песни петь,
 Если стала не ревнивой Шага.
 И коль дверь не смог я отпереть —
 Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия, тебя-ли покидаю?
Навсегда-ль с тобою расстаюсь?
Из любви к родимому мне краю
Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья!
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.

МОЙ ПУТЬ

МОЙ ПУТЬ

Жизнь входит в берега.
Села давнишний житель
Я вспоминаю то,
Что видел я в краю.
Стихи мои,
Спокойно расскажите
Про жизнь мою.

Изба крестьянская.
Хомутный запах дегтя.
Божница старая,
Лампады кроткий свет...
Как хорошо,
Что я сберег те
Все ощущения детских лет.

Под окнами
Костер метели белой.
Мне девять лет.

Лежанка, бабка, кот...
И бабка что-то грустное

Степное пела,
Порой зевая
И крестя свой рот.

Метель ревела.
Под оконцем
Как будто бы плясали мертвецы.
Тогда империя
Вела войну с японцем
И всем далекие
Мерещились кресты.

Тогда не знал я
Черных дел России.
Не знал зачем
И почему война.
Рязанские поля,
Где мужики косили,
Где сеяли свой хлеб,
Была моя страна.
Я помню только то,
Что мужики роптали,

Брались в чорта,
В бога и царя.
Но им в ответ
Лишь улыбались дали
Да наша жидкая
Лимонная заря.

Тогда впервые
С рифмой я схлестнулся.
От сонма чувств
Кружилась голова.
И я сказал:
Коль этот зуд проснулся,
Всю душу выплещу в слова.

Года далекие,
Теперь вы как в тумане.
И помню дед мне
С грустью говорил:
„Пустое дело...
Ну, а если тянет—
Пищи про рожь,
Но больше про кобыл“.

Тогда в мозгу,
Влеченьем к музе сжатом,
Текли мечтанья
В тайной тишине,

Что буду я
Известным и богатым
И будет памятник
Стоять в Рязани мне.

В пятнадцать лет
Влюбил я до печенок
И сладко думал,
Лишь уединюсь,
Что я на этой
Лучшей из девченок,
Достигнув возраста, женюсь.

.....

Года текли.
Года меняют лица—
Другой на них
Ложится свет.
Мечтатель сельский—
Я в столице
Стал первокласснейший поэт.

И, заболев
Писательскою скукой,
Пошел скитаться я
Средь разных стран,
Не веря встречам,
Не томясь разлукой,
Считая мир весь за обман.

Тогда я понял,
Что такое Русь.
Я понял, что такое слава.
И потому мне
В душу грусть
Вошла, как горькая отрава.

На кой мне черт,
Что я поэт!..
И без меня в достатке дряни.
Пускай я сдохну.
Только...
Нет,
Не ставьте памятник в Рязани!

Россия... Царщина...
Тоска...
И снисходительность дворянства.
Ну, что ж,
Так принимай, Москва,
Отчаянное хулиганство.

Посмотрим—
Кто кого возьмет!
И вот в стихах моих
Забила
В салонный выложенный
Сброд
Мочей рязанская кобыла.

Не нравится?
Да, вы правы—
Привычка к Лориган
И к розам...
Но этот хлеб,
Что жрете вы—
Ведь мы его того-с...
Навозом...

.

Еще прошли года.
В годах такое было,
О чем в словах
Всего не рассказать:
На смену царщине
С величественной силой
Рабочая предстала рать.

Устав таскаться
По чужим пределам,
Вернулся я
В родимый дом.
Зеленокосая
В юбченке белой
Стоит береза над прудом.

Уж и береза!
Чудная... А груди...
Таких грудей
У женщин не найдешь.

С полей обрызганные солнцем
Люди
Везут навстречу мне
В телеге рожь.

Им не узнать меня.
Я им прохожий.
Но вот проходит
Баба, не взглянув.
Какой-то шок
Невыразимой дрожи
Я чувствую во всю спину.

Ужель она?
Ужели не узнала?
Ну и пускай.
Пускай себе пройдет...

И без меня ей
Горечи не мало,
Недаром лег
Страдальчески так рот.

По вечерам,
Надвинув ниже кэпи,

Чтобы не выдашь
Холода очей—
Хожу смотреть я

Скошенные степи
И слушать
Как звенит ручей.

Ну что же—
Молодость прошла.
Пора приняться мне
За дело.
Что-б озорливая душа
Уже по-зрелому запела.

И пусть иная жизнь села
Меня наполнит
Новой силой,
Как раньше
К славе привела
Родная русская кобыла.

РЯБИНОВЫЙ КОСТЕР

Отговорила роща золотая
Березовым веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник,
Пройдет, зайдет и вновь покинет дом.
О всех ушедших грезит коноплянник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один, среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в даль.
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, потраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветъ.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет права.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сберет их все в один ненужный ком...
Скажите так—что роща золотая
Отговорила милым языком.

СУКИН СЫН

Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.

Нынче—юность моя отшумела,
Как подгнивший под окнами клен,
Но припомнил я девушку в белом,
Для которой был пес почталбон.

Не у всякого есть свой близкий,
Но она мне как песня была,
Потому что мои записки
Из ошейника пса не брала.

Никогда она их не читала,
И мой почерк ей был не знаком,
Но о чем-то подолгу мечтала
У калины за желтым прудом.

Я страдал... Я хотел ответа...
Не дождался... уехал... И вот
Через годы... известным поэтом
Снова здесь, у родимых ворот.

Та собака давно околела,
Но в ту-ж масть, что с опливом
в синь,

С лаем ливисто ошалелым
Меня встретил молодой ее сын.

Мать честная! И как же схожи!
Снова выплыла боль души.
С этой болью я будто моложе
И хоть снова записки пиши.

Рад послушать я песню былую,
Но не лай ты! Не лай! Не лай!
Хочешь, пес, я тебя поцелую
За пробуженный в сердце май?

Поцелую, прижмусь к тебе телом
И как друга введу тебя в дом...
Да, мне нравилась девушка в белом,
Но теперь я люблю в голубом.

Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

Для меня было все тогда новым;
Много в сердце теснилось чувств,
А теперь даже нежное слово
Горьким плодом срывается с уст.

И знакомые взору просторы
Уж не так под луной хороши.
Буераки... пеньки... косогоры
Обпечалили русскую ширь.

Нездоровое, хилое, низкое,
Водянистая, серая гладь.
Это все мне родное и близкое,
Отчего так легко зарыдать.

Покосившаяся избенка,
Плач овцы и вдали на ветру
Машет тощим хвостом лошаденка,
Заглядевшись в неласковый пруд.

Это все, что зовем мы родиной;
Это все, отчего на ней
Пьют и плачут в одно с непогодиной,
Дождаясь улыбчивых дней.

Потому никому не рассыпаться
Эту грусть смехом ранних лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда,
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снился
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но наверно навеки имею
Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветъ,
Да ракитник кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться
И под этим дешёвеньким ситцем
Ты мила мне родимая быть.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года.
Низкий дом с расписными ставнями,
Не забыть мне тебя никогда.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Персидские мотивы	9
Мой путь. Поэма	31
Отговорила роща золотая	41
Сукин сын	43
Этой грусти теперь не рассыпать	45
Низкий дом с голубыми ставнями	47

Этот экз. № 91,
из нумерованных.

МУК "РЯЗАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ
МУЗЕЙ С.А. ЕСЕНИНА"

ГЧК - 539

АДПТ - 150

СКЛАД ИЗДАНИЯ

**Книжный магазин и склад общества политкаторжан
и ссыльно-поселенцев "Маяк".**

Москва, Петровка, 7. Тел. 3-63-20.